

Дневник старшего лейтенанта Владимира Ивановича Гончарова. Командир пулемётной роты в 616-м стрелковом полку 194-й стрелковой дивизии, позже откомандирован в штаб полка.

1 января 1942 года

Сегодня Новый год. Немцы заранее готовились встретить этот день с ёлкой и вином, но им пришлось спасаться бегством. Мы наступали 15 километров на деревню Рисковшино. Отсюда недалеко до Малоярославца. Это хороший путь на Калугу. Противник тут значительно затормозил наше наступление. Наши войска попробовали атаковать, но безуспешно. Вообще говоря, мы могли бы атаковать, но испугались потерь. Противник превосходно обороняется; но у нас 3–5 раненых. Со своими войсками и своим снабжением противник отходит на Калугу по шоссе. Сегодня притащили пленного фрица. Несмотря на всё презрение, как к человеку к нему испытываешь сочувствие. Плохо одетый, завшивленный, с обмороженными ногами. По профессии он кровельщик. В кармане у него была фотография его молодой жены, точнее говоря, девушки. И с этим немногим Гитлер отправил брать Москву. Во время допроса он заявил, что остался в деревне, чтобы сдаться в плен.

Новый год. В Рисковшино встретились две дивизии, наша и 415-я. Направление атаки уже трижды меняли. Многим красноармейцам пришлось спать на свежем воздухе, т.е. в сараях и амбарах. Домов не хватает, потому что немцы стремятся сжечь деревни [при отступлении]. Это кое-что им даёт. В доме, где стоит штаб полка, живут где-то 30 человек. В тесноте, да не в обиде.

2 января 1942 года

Мы собрались в деревне Ердиново [скорее всего, речь идёт о деревне Ерденево]. Мы заняли несколько домов, но немцы выбили нас в контратаке. Штаб занял половину дома, тут так тесно, что не протолкнуться.

У меня порядочно вшей. Когда больше не могу терпеть муку, снимаю рубашку и

уничтожаю этих проклятых паразитов.

Мои пульвзводы стоят в Хрусталёво [скорее всего, речь идёт о деревне Хрустали, в 10 километрах южнее Малоярославца; РККА отбила деревню 2 января]. Им был отдан приказ атаковать немцев. Они подошли к немецким позициям на 50 метров; у них был 1 пулемёт и пистолет-пулемёт, но не справились. Попали под плотный огонь немцев и быстро отступили. Когда 3-й батальон отходил из Ерденево, нам пришлось оставить своих убитых и раненых немцам. Раненые были немцами убиты.

3 января 1942 года.

Ночью взяли Ерденево Староселье и перекрёсток Ерденево. Захватили 3 пленных. Один из них заходит и громко произносит: «Офицер, холодно, виноват Гитлер!». Выяснилось, что он с двумя своими товарищами остался в доме и спокойно ждал нашего прихода. Когда наша разведка зашла в дом, немцы подняли руки и сдались. Второй пленник — кандидат медицины, оказался умным человеком. Он дал ценную информацию по группировке противника и его дальнейшим планам. Оказывается, против нас стояла немецкая танковая дивизия; но танки не могли пройти сквозь снег. Соответственно, запланированная немцами контратака не удалась. Население радуется нашему приходу. Заявили даже: «Мы просто не можем поверить, что вы вернулись».

Очень низкая температура. У немцев только их летнее обмундирование. У большей части из них обмороженные ноги. Другие даже насмерть окоченели. Когда смотришь на своего врага, то испытываешь сочувствие к людям. Как же это жестоко, бросать армию в таком состоянии. Дела у противника нынче куда как хуже, чем летом. Лошади больше не тянут повозки. На улицах валяются десятки, сотни пристреленных лошадей, кругом машины и бочки. Из-за плохих дорог и недостатка топлива, побросали всё что можно. Автоматическое оружие заедает, снабжение не доходит. Всеми виной мороз, плохое обмундирование с питанием и наши атаки. Интересно, где же немцы смогут встать на позиции, чтобы оказать нам сопротивление.

4 января 1942 года

У нас накопилось много немецких документов. Часть из них особо ценные. Я решил, что вместе с переводчиком Гольднерштейном систематически проверю все документы, так чтобы можно было набрать достаточно материала.

Замкомандира артиллерии проводил тут смотр и среди прочего очень бранился, что мы плохо используем свою артиллерию. Что мы, красноармейцы из стрелковых батальонов, получаем мало поддержки от артиллерии, то правда. Но на данный момент, когда битва в разгаре, уже два дня не было ни выстрела. У нас ещё и мин нет, и артиллерийские орудия тихонько стоят. Очевидно, кто-то приложил к этому руку.

5 января 1942 года

2 батальона, рота автоматчиков и разведчики были на день отрезаны от полка. Голодные, лежали на снегу. Около 12 ночи спасли их с помощью соседних войск. Немцы расстреляли наших пленных. Они всё видели своими глазами. Наши расстреляли немцев, которые сдавались в плен. Всем сторонам война демонстрирует своё жестокое лицо.

В Ерденево, где мы живём, все штабы перемешались, полка и дивизии. Местечко забито людьми под завязку, моих разведчиков вышвырнули из дома.

Мороз спал. Я беседую с населением о немцах. В целом, рассказывают одно и то же, хотя видно, что о жестокости немцев говорят неуверенно. Всё остальное то же самое. Грабёж и расстрелы. Оскорбительно, что у этой высшей арийской расы отсутствует чувство приличия. В присутствии женщин они раздеваются донага и уничтожают вшей. Ещё они приказывали населению готовить им еду. Мы всегда считали арийцев людьми культуры, что выше, чем наша. При ближайшем рассмотрении, однако, видишь, что это тупой, дурацкий, бесстыжий бюргер. Хотя рассматриваем фотографии среди их документов, на них приятные молодые люди в галстуках и аккуратных костюмах. У них тоже есть немало честных и приличных парней. Они сражаются по приказу, который вынуждены исполнять, чтобы их не расстреляли. Но многие из них и негодяи.

6 января 1942 года

Соседние войска помогли взять деревни, и наши батальоны были освобождены из окружения. Убито примерно 100 фрицев. Сегодня хоронили товарища, командира 1-го батальона, лейтенанта Берлоусова. Был сильный снегопад. Солдаты опустили тело Берлоусова в могилу. Мы в это время молча стояли по стойке «смирно». Одновременно раздавался залп из винтовок и пистолетов. Каждый из нас бросил горсть земли на могилу, и скоро на ней вырос холмик. «Прощай, товарищ, ты с честью пал в битве. Ты защищал [славу] русского оружия и честь русского народа».

Мы встали в деревне Исаково. Сколько ещё деревень перед нами? Повсюду видны радостные лица людей, которых мы освободили. Вечером играла музыка, пели песни, а потом снова двинулись вперёд.

Под Ерденево на пересечении железной дороги был устроен подрыв. За это немцы расстреляли всех деревенских мужчин, всего 18 человек.

7 января 1942 года

Полк весь день отдыхал. Наконец-то, после 4 месяцев нас переформируют. Скорее всего, спокойным дням пришёл конец, и мы вновь идём к бою. Переводчика Гольднерштейна перевели от меня в дивизионный штаб. Хороший был толмач и человек прекрасный. На замену ему я поставил красноармейца Адамшина из химзвода. Хотя это не то что Гольднерштейн.

8 января 1942 года

Весь день мы давили на Ватошино, к 20:00 взяли. Всё время идёт борьба за деревни. Если наши войска прорвались в населённый пункт, то надо быстро наступать, потому что тогда враг бежит. Если же в деревне остались бойцы, то у противника есть возможность привести себя в порядок. Тогда всему конец. После того как враг открывает сильный заградительный огонь, оказывает мощное сопротивление до наступления темноты, [он] сжигает деревню и только тогда отходит.

Перехватить инициативу в свои руки — большое дело.

На данный момент у нашей артиллерии нет снарядов. Это стыдно и прискорбно, но это правда. День я провёл на передовом командном пункте. В Вороньё. Весь день такая

толпа, что присесть негде. Вечером пошёл в штаб, поиграл на аккордеоне, попел и даже поплясал, а потом снова выдвинулись.

9 января 1942 года

В 4:00 с криками «Ура» наши батальоны взяли Ватолино. Деревня осталась целой, сжечь не смогли. Бойцы выдвигаются на Машкино, перед которой есть глубокая балка, куда они залегают и ждут рассвет. Одновременно выдвигается разведка. Сегодня спал как человек, это значит, что мог вытянуть ноги.

В Ватолино мы столкнулись с бывшими русскими военнопленными и теми, которые вышли из окружений. В населённом пункте есть немного раненых и убитых. Мы идём дальше, проходя через деревни и радуя население. В мыслях, однако, я думаю, что до Берлина это движение не продлится. Где-то, быть может, в ближайших окрестностях, состоится смертельная стычка.

Вчера случилось большое несчастье. От буржуйки загорелся дом. 3 младших командира задохнулись в дыму, у 3 бойцов тяжёлые ожоги.

Из красноармейцев из роты ПВО, которую приписали ко 2-му батальону, в строю осталось только 2-3 человека. Оставшиеся 15 ранены.

10 января 1942 года

Сажу на конюшне у буржуйки. Тепло, вокруг меня спит разведгруппа. Из-за храпа еле-еле думается.

Железная печурка, сколько радости, сколько тепла даёшь ты солдатам. Домов на всех не хватает. Солдаты квартируют в сараях, подвалах и хлевах. Как же приятно, когда ты устал, промок и замёрз одновременно, зайти в комнату, где топится буржуйка. Из необходимых на фронте вещей я выделяю 4 важнейших, приносящих самую большую радость: мытьё, табак, чай и буржуйка. Это скромные требования.

Бутырки и Машкино мы не удержали. Сейчас 22:00. Всё вновь отбито. Наверное, пойдём в другом направлении. Я получил два письма. В одном мне сообщается, что мой перевод на 1200 рублей опять вернулся назад. Во втором письме товарищ пишет о своей жизни.

Опишу трагикомические случаи:

1. В Ватолино замужняя дама крутила романы с германскими солдатами. Пока немцы стояли в деревне, её муж не мог возразить против супружеской измены. Наконец, момент настал. Когда немцы под нашим натиском смылись, оскорблённый до глубины души супруг смог навести порядок в своих семейных делах. Неверная жена была по первое число избита и вышвырнута из дома. Освободители сказали мужику, что с его женой обойдутся как с предательницей Родины, и что теперь его дом очищен от мусора.

2. В Ватолино мне было поручено действовать как квартирмейстеру штаба полка, позаботиться об их размещении. Часть штабистов я более-менее расквартировал, место снаружи выглядело вполне прилично. Однако позже начались сюрпризы. Сегодня утром хозяин поднялся на чердак подобрать себе пару валенок. Под его собственным весом балка в потолке треснула, и вся крыша, с досками, землёй и самим хозяином ухнула вниз к ужасу онемевшего писаря. Испортили целый котёл с супом, разбили печатную машинку и уничтожили весьма ценные документы, хотя их потеря не так болезненна, как утрата супа. В 6:05 пришёл ответственный младший командир и составил донесение о случившемся.

Помимо этих комичных случаев, сталкиваешься и с по-настоящему ужасными. В одном доме лежит 2-летний ребёнок, убит миной. 18-летняя девушка, очень красивая, должно быть, была расстреляна немцами.

Сегодня получил ноту Молотова, читал о зверствах немцев. Волосы становятся дыбом, когда прочтёшь о некоторых примерах, о которых говорится. По моему мнению, в мире нет места, где этому культурному народу нордической расы, немцам, можно было бы отомстить за всё ими сотворённое. Но мстить мы будем всё равно, несмотря на нашего очень гуманного или осмотрительного вождя (подразумевается Сталин). К чёрту все международные напряжённости. В любом случае, рано или поздно нам придётся воевать против Англии.

От автора перевода.

Прежде чем повесить продолжение дневника краскома, хочу внести некоторые

дополнения в характеристику источника. Выяснилось, что дневник частично цитировался в работе Пауля Кареля «Гитлер идёт на Восток», которая выходила на русском. Текст в изложении Кареля отличается: стоят чуть другие даты, по-другому построенные и иногда иные по смыслу фразы, иногда данные из одного дня запихнуты в другой (скорее всего, его вольная редакция). Тем не менее, Карель пишет, что дневник попал к нему в виде оригинала из архива начальника разведки XXXX армейского корпуса — соответственно, можно предполагать, что русский оригинал не был утрачен, а Карель работал с иной версией, чем та переводная, которую нашёл в архиве Мартин. Также Карель отмечает, что 9 февраля 1942 года Гончаров погиб в бою против солдат 34-й пехотной дивизии из Гессена.

В январе Гончаров стал писать больше: иногда записи за один день идут «слоями», видно, что заносилось в разное время суток. Есть зарисовки из оккупации. Некоторые мысли автора всё так же очень крамольные. Показательно меняется настроение. Жить автору оставалось меньше месяца. Мои примечания в квадратных скобках. На русском публикуется впервые.

11 января 1942 года

В 1:00 мы получили приказ пройти 17 километров в направлении на Ильинское у Варшавского шоссе. Наши соседи, 415-я стрелковая дивизия, открыто нас вытеснили из этого места. В 5:00 мы вновь выдвинулись и шли очень медленно. Я доскакал до Холопово, чтобы там погреться. Мы идём на правом фланге [43-й] армии. Пересекли шоссе Москва-Варшава. На нём сейчас сильное движение. Прохода нам сейчас нет. Наши части с мучением пробиваются сквозь глубокий снег. Лошади стоят на месте, не вытягивают. Кошмарно холодно, где-то -30. Я доехал до Мосолово и приготовил размещение для штаба [616-го стрелкового полка]. Позже выяснилось, что наш полк ночевал в соседней деревне. Наши места занял 470-й стрелковый полк. В Мосолово в каждом доме очень много людей, среди них беженцы, погорельцы и сами местные.

12 января 1942 года

Полк продолжает движение. Снабжение каким-то образом пробивается. Артиллерия отстала. Мы прошли Медынь с севера. В Медыни идут уличные бои [город оставался в немецких руках до 15 января]. Ночью я почти не спал. Ехал вместе с обозом, прошли через много деревень, которые, к сожалению, по большей части сожжены. В одно село немцы ворвались сегодня ночью, ограбили население и вновь откатились.

Вчера мне порядком влетело от моего начальника. Он грозил сместить меня с моей нынешней позиции и направить на передовую. Мне всё равно. Тем не менее, вчера полноценно отдохнул, для меня это ценнее чем что бы то ни было.

Местные рассказывают о немецких грабежах и убийствах. Удивительно, что Александровка стоит целая.

13 января 1942 года

Мы продвигаемся в Смоленском регионе, сопротивления не встречаем. Эти края зачистили парашютисты. Немцы драпали в таком удивлении, что даже не смогли сжечь деревню. Как я понимаю, это была первая крупная операция наших авиадесантных частей.

Перед нами идут части 5-го стрелкового корпуса, мы следуем за ними. Интересные деревни стоят в Смоленском регионе. По одной стороне дороги идут жилые дома, а по другой — сараи и конюшни.

Смоленские километры очень длинные... «Бабушка, сколько километров до Гончаровки? — 1 километр, сынок». Вот 1 километр, потом ещё 1 километр, потом ещё полкилометра и ещё полкилометра, а вот потом наконец и Гончаровка.

Дома здесь очень большие, но внутри кроме стола да пары скамеек больше ничего нет.

14 января 1942 года

Мы прибыли в деревню Шанские Заводы [правильно: Шанский завод]. Здесь меня ждал особый сюрприз: на благо фронта я был назначен командиром 2-й пулемётной роты.

Другими словами, я снова получил свою старую должность. Один там в штабе был недоволен моей работой, но это неважно.

На передовой сейчас лучшие люди нашей страны.

В роте 3 пулемёта, 35 солдат, 7 лошадей, 3 саней. В целом по силе равно пулемётному взводу.

В Шанском заводе я спал в доме жены партизана. Они рассказали мне как немцы их пытали. Бургомистр и некоторые другие местные надели немецкую униформу и пошли охотиться на партизан, но, разумеется, никого не нашли.

В 3:00 мы встали и выдвинулись на фронт. Я спал на тёплой печке. Печь была отделана белой кафельной плиткой, первый раз в жизни такое вижу. Должен признать, выглядит очень красиво.

Теперь моя очередь лечиться в госпиталь. Хорошо, если нетяжело ранен. Сейчас теплеет, но все дороги замело.

15 января 1942 года

Главные дороги бесконечные, занесённые снегом, и тянутся от деревни к деревне. Едем окольными путями. Рассказывают, что в Медыни поп получает 2500 рублей в месяц. Другие говорят, что немцы подозревали коммунистов в тех, у кого дома не висело иконы.

В одной деревне встретили большое количество женщин, девушек и партизан. Вечером по железной дороге достигли районного центра Изновски [правильно: Износки]. В 1:00 вновь двинулись отсюда. Ковыляли по бездорожью. Люди настолько устали за день, что спали на ходу. Мы пересекли поле и внезапно оказались в тылу врага. Партизаны провели нас по объездной дороге.

16 января 1942 года

Весь день отдыхали. Я спал. Население радуется нам и не знает, чем они могут нам помочь. Моя хозяйка пожарила мне картошки и дала 2 кувшина молока. Роскошно. Местные жители собрали муку, чтобы испечь нам хлеб, но мы от этого отказались. Протопили нам баню, но мыться мы не пошли. С табаком плохо. Народ курит клевер, гречиху и прочие суррогаты. Когда заходишь в дом, люди от радости не знают где присесть, точнее говоря, чем тебя потчевать. Вечером построили батальон и двинулись в направлении на Юхнов. Только вышли за околицу — за нами миномётные

взрывы. Как я узнал позже, прямое попадание в штаб полка. Ранены Кубицкий и [начальник штаба 616-го стрелкового полка старший лейтенант Фёдор Петрович] Бурцев. Несколько ранило и убило.

Когда проезжали через деревню, видели множество радостных женщин. «Бейте! Возвращайтесь живыми и здоровыми. Мы желаем вам удачи».

Сколько честной уверенности в этих словах.

К сожалению, наши ночные манёвры ушли в молоко. Когда мы прибыли на занятую немцами станцию, их уже и след простыл. Состав отправился ещё накануне. В этих местах, удалённых от фронта, немцы провели хотя бы терпимые преобразования. Грабили много, но не чересчур. Зачастую они брали принудительный налог. Пример: каждый дом должен выдать одну шапку и одну пару валенок или колхоз должен отдать столько-то и столько-то лошадей и коров. Деревни здесь не жгли. Ночью очень тяжело продвигаться. Дорога плохая, спотыкаешься. Лошади выбиваются из сил. На просёлочных дорогах двигаться выходит только в колонне.

17 января 1942 года

Ночью пришли в Хмелов [правильно: Хмелев]. Выяснили, что в соседней деревне стоит обоз противника, который должен пройти через нашу деревню. Мы сели в засаду.

Утром по ошибке всё провалили. В деревню зашла немецкая конная разведка.

Миномётчик неосторожно открыл огонь. Немцы соскочили с лошадей и исчезли. Мои пулемёты стояли в школе. Они открыли огонь и убили 2 лошадей и 1 солдата. Ясное дело, обоз скрылся из виду. Потом полковая разведка с пулемётом пошла в занятую немцами деревню и отбили немцев примерно на 500 метров. Я послал туда ещё один пулемёт. К сожалению, разведка не смогла больше продвинуться и обоз смылся.

Остались только пистолеты-пулемёты и пулемёты.

Дорога, по которой мы шли, обстреливалась. Несколько из нас убило и ранило. Слава Богу, что дорога была почищена, так что мы смогли залечь за сугробами. Так мы и пролежали до вечера. К вечеру получили подкрепление и вышибли немцев из деревни. В деревне я влез на печку, на которой не спал уже долгие годы.

Немцы говорили местным: у нас дома дети и хватит с нас войны. Нам эта война ни к

чему.

Похоже, что в немецкой армии идёт брожение и зреет большое недовольство. Виной тому мороз и неудачи на фронте.

Многие старосты были назначены насильно. Население, как обычно, встречает нас с радостью. Идём на Юхнов. Там пока заняты наши ВВС. Во время битвы я добыл 4 лошадей. Это ценное приобретение, поскольку мои лошади вымотались.

18 января 1942 года

Днём зашли в деревню Куновка. Стали на лесной опушке. До [соседней] деревни от нас был 1 километр. В деревне должно быть 400 немцев. Мы до вечера пробыли в лесу и пошли назад в деревню. Посчитались и выяснили, что в батальоне в наличии только лишь 70 человек. Когда же мы получим пополнение? Мы уже второй день без хлеба, да и суп очень плохой. Мы отрезаны от ближнего тыла. Ночью эту деревню взял 1-й батальон, захватили склад с провизией — мясо и консервы, хлеб и джем, табак и прочие замечательные вещи. Результат: наутро 1-й батальон был в стельку пьян.

19 января 1942 года

Передвинулись в Куновку, т.к. во время наступления на соседнюю деревню нашу атаку отбили. В общем, у нас большие потери во 2-м взводе 6-й роты. Ударили второй раз и выяснилось, что там были финны. Из деревни мы их вышвырнули и соседний лес от них зачистили. 1-й батальон всё ещё пьян и у них двое раненых.

Вчера стал свидетелем трагического случая. Командир 6-й роты, добывший немецкий пистолет-пулемёт, уронил его на землю. Тот выстрелил и убил его.

Сегодня разжился несколькими плитками шоколада, табаком и консервами. Хотел ещё и фляжкой водки, но там оказался бензин. Весь день наши солдаты бились за Николаевку. Взвод из 6-й роты был почти полностью уничтожен. У нас тоже есть потери. В целом личный состав выбывает. Не знаю, что уготовила сегодняшняя ночь. Может, утром нам конец. В данную минуту мы богачи. Курим немецкие сигареты и сигары, едим немецкие консервы и прочие яства, особенно в избытке у нас шоколада. Вечером немцы предприняли энергичную контратаку на Николаевку. Они подползли по

снегу, но без толку. Маленькая кучка красноармейцев с 2 пулемётами устроили им такой «дружеский» приём в виде заградительного огня, что тем пришлось откатиться. Вечером и я дошёл до Николаевки. Всю ночь командиры и красноармейцы были на постах. Время от времени враг постреливает из миномёта.

20 января 1942 года

Тяжёлый день. Сегодня насчитали 20 немцев, которые были убиты нами. Мы их обыскали и много чего нашли. Я взял с мертвеца часы и ещё несколько вещей. Моя рота в виде трофеев получила 4 немецких пистолета. Во время осмотра пистолетов внезапно раздался выстрел, и младший командир Башкиров рухнул на землю с простреленным черепом. Этот злополучный случай произвёл на меня большое впечатление.

Сегодня по нам стреляют со всех сторон. Откуда-то слышится пулемётный огонь, но всё это пустяки. Дважды нам сообщали, что противник будет на нас наступать, тем не менее, ничего не произошло.

С нетерпением жду, когда же меня ранят, потому что хочу покинуть полк. Служба в этом полку по-настоящему тяжёлая. Я ношу 3 кубаря (как старший лейтенант), когда сам ещё не получил [официальное] подтверждение [нового звания], хотя и прошёл установленный срок на повышение.

Как выяснилось позже, «противник», который проходил мимо и был нами обстрелян, оказался нашим 1-м батальоном (который ранее напился).

21 января 1942 года

Прямо сейчас мины рвутся вокруг моего дома. Днём попытались атаковать соседнюю деревню. Но дошли только до опушки леса и пришлось отступить, поскольку наши силы были очень слабые.

Утром опять инцидент. На столе лежала заряженная ракетница. Помощник старшины взял её и выстрелил, при этом ранил хозяйку дома в ногу. Мы сами делаем всё, в чём обвиняем противника. Я так думаю, что живи мы сейчас в мирное время, то сидеть бы всем красноармейцам по тюрьмам, но в данный момент война всё списывает. Вот,

например, вчерашний и сегодняшний случаи.

Днём над нами пролетел немецкий самолёт, сбросил бомбы и отстрелялся по нам из пулемёта. Повсюду остались лежать мёртвые. Где меня настигнет смерть?

Ночью штурмовой батальон атаковал Пуповку. Противник подпустил нас на 40 метров и потом открыл огонь. У нас очень много убитых и раненых. Видно, что наши операции подходят к концу. У нас больше нет ни людей, ни оружия. В роте лишь 10–15 человек, в батальоне только 2 роты. Нам срочно, срочно нужно пополнение!

22 января 1942 года

Ночь прошла тихо. Утром мы чистили пулемёты. Ночью ранили Зиновьева. Войне нет конца. Я думаю, что она продлится ещё год, может, даже и меньше, а потом красноармейцы сами, без МИДа, подпишут мир, точно как это было в прошлую войну. Весь день над Куновкой и Николаевкой кружили немецкие самолёты, швыряли бомбы и стреляли из пулемётов. Несколько сараев загорелись, разрушило один дом и ранило около 10 человек. Двое потеряли зрение. Убито 10 лошадей.

Несмотря на все атаки, наши войска не могут больше наступать с уже занятой территории. У немцев очень сильная оборонительная линия. Атаковать далее мы не можем, т.к. больше нет людей, нет оружия и нет боеприпасов. Ночью 6-я рота с пулемётом пошла на Пуповку и отрезала дорогу на Рубихинов [правильно: Рубихино]: они просидели там какое-то время и вновь отошли. В 3:00 4-я рота пошла на Рубихино, но безуспешно.

С питанием очень плохо. Суп совсем водянистый.

23 января 1942 года

Весь день немецкие лётчики не давали нам покоя. Особенно в Куновке они нанесли большой урон. Ещё несколько домов и конюшен сгорели. Убило много лошадей и людей. У меня убито 2 лошади и 2 человека ранено. Я снова безлошадный, ещё и моего водителя задело.

В роте сейчас 27 человек. От [немецкой] авиации лучшее спасение — идти как можно ближе к линии фронта. Николаевку противник обстреливал из миномётов и пулемётов.

В дом попало 2 мины. Одна упала в сени и убила двух человек. Вторая пробила крышу и взорвалась под полом. В доме было 25 человек. Притом ни одного не ранило.

Несколько слов о носах: у 50% красноармейцев носы отморожены. Среди них есть несколько таких, кто в начале обморожения не стал немедленно проводить растирание — их носы начали гнить.

О нашем положении: в 15 километрах за нами находится деревня Агрошево, которую заняли немцы. Спереди, справа и слева от нас тоже немцы. Так что мы окружены. Сосредоточиться на задаче не можем, топчемся на месте около недели.

24 января 1942 года

Сегодня сильный мороз. За один день примерно 15 человек обморозили носы. Свой я растёр со снегом.

В 00:30 выдвинулись атаковать Рубихино. Мы собрались на лесной опушке. 4-я рота пошла направо, 6-я — налево. 4-я рота подпустила противника на 400 метров и затем открыла огонь из автоматической 2-см зенитки. Под огонь попал и я. Я ковылял через поле и увидел большую вспышку перед собой. Я упал на землю и вжался в неё.

Следующие снаряды разорвались примерно метрах в 100 от меня. Рота была буквально прижата к земле огнём зенитки. Затем мы отступили. К моменту получения приказа на отход, мы уже порядочно замёрзли. Хорошо, что вновь отошли во тьму леса, там можно было двигаться свободнее.

«Знаешь», — сказал один боец — «когда замерзаешь, становишься ко всему таким безразличным, тогда уже ничто не важно, лишь то, околеешь ты или же тебя пристрелят. Тогда только одно желание — чтобы поскорее убило». Опасная ситуация. Человек совсем негоден для боя.

Противник взял Огорихово. Жаль нашего обоза со всеми припасами. В плане снабжения, следующие дни будут плохими, поскольку уже сегодня у нас нет хлеба. Вечером солдаты готовили конину. За день нас часто назначали брать Рубихино; к счастью, операцию своевременно отменили.

26 января 1942 года

Опишу события в ночь с 25-го на 26-е.

В 12:00 ночи мы выдвинулись атаковать Рубихино. 4-я рота, с пулемётом и тремя миномётами, пошла слева, имея задачу проникнуть в деревню и занять дома на отшибе. По исполнению, они должны были дать две красные ракеты. Это для всех, включая 6-ю роту и 1-й батальон, стало бы сигналом на штурм деревни. Я шёл с 4-й ротой, красноармейцами из пулемётного взвода, старшим лейтенантом Симовцом и врио командира батальона Кравченко. Мы шли через лес, протаптывая себе путь в снегу. За нами залегли командиры, впереди нас шла разведка.

Вышли на дорогу Пуповка-Рубихино, пересекли перекрёсток. Продвижение вдоль дороги было сопряжено со многими трудностями, т.к. часто шло открытое пространство. Позже я понял, что лучше бы мы сразу пошли вдоль дороги. Пулемётный расчёт постоянно отставал. Я отдал приказ взять отдельно пулемёт и тащить его на спине. Сам пошёл дальше. И сотни метров не прошёл как сзади меня рванули два снаряда и раздались крики о помощи. Я ринулся назад и увидел, что мины попали прямо по пульрасчёту, троих ранило. Ещё троих убило. От всего расчёта осталось только два человека. Один орёт, рыдает, молит скорее вытащить его из-под огня. Другой раненый просит пристрелить его. Под открытым небом мороз такой, что я бойца и перевязать не могу, т.к. для этого его нужно раздеть. Так что сперва бегу в роту и привожу с собой шесть человек. Одного раненого потащили на носилках, второй умоляет не бросать его. Я оставил одного санитаря при раненых, сам взял пулемётчиков и двинулся дальше. Мой «пульрасчёт» рассыпается при каждой остановке, так что мне приходилось с матершиной постоянно их собирать.

К 7:00 достигли деревни, что была в 100 метрах впереди, расставили пулемёт и миномёты по позициям. Стрелки хотели было ворваться в деревню, но противник заметил их раньше, чем предполагалось. С левой стороны шоссе по нам ударил плотный ружейный огонь. Стрелки забежали в деревню и выпустили сигнальные ракеты. Отрабатывали наш пулемёт и наши миномёты. Начало было вполне хорошим. Спустя минуту по нам вдарили из пулемёта, винтовок, миномётов и артиллерии. К

несчастьем заклинило наш пулемёт. Я отдал им приказ отойти и устранить утыкание. Только пулемётчики отошли метров на 10 как по ним попала мина, одного ранило, а второго убило. Сам пулемёт был уничтожен. Оттащить нечем. Тут ещё прибегает политрук Карпенко из 4-й роты и кричит: «Я ранен в ногу, отхожу!». Миномётный расчёт хватается за оружие — и ходу. То же самое делают стрелки. В общем, началась у нас сильная паника. Тем временем становится почти светло. Тяжело раненых пулемётчиков мы оставили. Большая часть 4-й роты притом погибла. Мы отошли: по нам со всех сторон вели огонь, но по пути ни одного не потеряли. Там встретили батальонного комиссара Кравченко.

Выяснилось, что когда мы дали сигнал нашими ракетами, никто не знал, что он значит, так что и поддержки мы не получили. Комиссар отдал приказ вернуться и забрать раненых. Мы собрали группу в шесть бойцов. Только выступили, смотрим впереди человек 15 немцев. Так что вся наша группа по спасению раненых по приказу комиссара отошла назад. В это же время оборвало телефонную связь. Из-за этого моего связиста ранило в спину, он своими силами смог отойти. Мы добрались до нашего лесного лагеря, который больше не могли покидать. Пришёл командир полка и приказал накормить людей в лесу, а потом опять атаковать. Все замёрзли, оголодали, все злые и в очень подавленном настроении.

По нашей сегодняшней операции:

Провал случился по следующим причинам:

1. Отсутствие взаимодействия с нашими соседними частями;
2. Отсутствие своевременной поддержки миномётным и артиллерийским огнём.

В целом я боюсь операций, отделённых от целого (бои локального значения). В 90 случаев из 100 они не удаются. Группы бойцов легко разделить и уничтожить. В этот раз было хорошо, но всё равно убило 10 пулемётчиков, нескольких ранило, убило других. Уничтожило пулемёт, пришлось бросить. Несмотря на приказ, к атаке мы понимаем не готовы. Силы слабые. Взаимодействие отсутствует.

Ближе к вечеру я пошёл в штаб батальона и прилёг на кровать. В моё отсутствие моё подразделение отправили на исходные. Пулемёт поставили на позицию, другие сидят

в деревне. Смена каждые 3–4 часа. Вчера перед атакой приключилось несчастье. У бойца в руках взорвалась ручная граната и ранило шестерых, включая командира 6-й роты. Так что теперь из командиров рот во 2-м батальоне перебило всех, за исключением меня.

Батальон свели в стрелковую роту, в пулемётной роте два расчёта. Всего в батальоне осталось лишь 100 человек, и это вместе со штабом, со снабженцами и с чем там ещё. На передовой лишь 40–45 бойцов. В другом батальоне та же ситуация. Части нашего полка очень сильно пострадали. В данный момент кажется, что ситуация стабилизируется.

27 января 1942 года

Нигде не укрыться от смерти. Сегодня по нескольким домам в нашей деревне била артиллерия. В одном доме [убило?] хозяина, в другом ранило двух лошадей. У глубокого снега есть свои плюсы и минусы. Во-первых, без лыж не продвинешься. Снег очень глубокий, при беге идёт пар от дыхания. Плюс глубокого снега в том, что если залёг, то можно хорошо окопаться. Как только останавливаемся, тут же за минуту каждый себе выкапывает укрытие и ложится в него. Каски мы почти не носим, но каждый старается себе набрать столько тёплой одежды, сколько может. Немцы же наоборот все в касках.

Вечером мы опять атаковали Рубихино. Лыжный батальон обходил, а мы шли в лоб. Ничего из этого не вышло. Мы стреляли и стреляли, порядком там замёрзли и ранним утром опять вернулись на исходные. Я потерял одного бойца, он патроны таскал. Ему снарядом оторвало голову.

28 января 1942 года

Слабая ружейная перестрелка. Вечером выступил 1-й батальон. В деревне стало посвободнее, и я смог хорошо выспаться.

29 января 1942 года

В 4:00 командир батальона приказал мне разведать обстановку у противника в Рубихино и, если деревня не занята, занять её. Прошлой ночью со стороны противника слышались разрывы. Мы думаем, что он уничтожает свой запас снарядов.

В 6:00 выдвинулись с шестью бойцами при одном пулемёте. В 500 метрах от деревни я открыл огонь. Пулемёт тут же заклинило, и мы вели огонь только из винтовок.

Противник молчит, мы двигаемся далее. В 100 метрах перед деревней замечаем два немецких поста. Поскольку уже рассвело, мы немного отходим назад и продолжаем наблюдение. Мы ничего не замечаем, даже дымка от печек не видно. Я посылаю вперёд двух бойцов. Они проходят метров 200 и встают. Я подхожу к ним, смотрю в бинокль — ничего не видать — и направляю их дальше, они проходят ещё 100 метров. Тут из сарая в Рубихино по нам дают из автоматического оружия. Одного ранило, другие отходят. Когда стрельба стихает, я поднимаю себя и бросаюсь за холмик. Несколько пуль свистят около меня.

Вернулся в деревню, позавтракал и выпил, и пошёл к командиру, обсуждать с ним как же нам взять Рубихино, поскольку похоже, что у противника там очень незначительные силы. Командир решает атаковать Рубихино тем, что есть. Только мы дошли до кромки леса, сразу попали под огонь из пулемёта, автоматического оружия и гаубиц, и мы решили, что в Рубихино враг едва ли сидит.

Пока что у немцев такая тактика:

Они подпускают очень близко, дают даже зайти в деревню, и только тогда уничтожают. Нам пришлось отменить атаку. Немцы взяли Шанский Завод. Эта деревня у нас в тылу. 1-й батальон вместе с лыжниками скрылся из виду.

30 января 1942 года

Нас разбудили в 3:00, накормили завтраком и выдвинули в Николаевку. Мы ушли, так и не взяв это проклятое Рубихино. Марш на Приселье-Батино. Мы прошли Приселье, а дальше по обходной. Путь был очень тяжёлый. Неподалёку от Батино наши разведчики наткнулись на немцев. Я уже выдвинул вперёд пулемёт, но немцы смылись до того. В Батино очень комфортно разместились. Расставили посты, оборудовали пулемётную точку и прокопали всё что нужно.

За деревней протекает река Угра. На берегу, рядом с ущельем, стоит школа, у которой я разместил своих пулемётчиков. Я инспектировал позицию и заметил на речке группу на санках. Нас было 20 бойцов, и мы никак не могли решить, немцы это или русские. Когда между собой договорились, немцы повернули назад. Пулемёт заклинило, только пистолет-пулемёт работал. Мы видели одного или двух убитых и нескольких раненых, которых немцы забрали с собой.

Вечером пришли невесёлые новости. Немцы взяли Приселье, которое мы недавно проходили. У немцев танки, уничтожили наш противотанковый расчёт. Очень много раненых и пленных, среди раненых наш полковой адъютант Бурцев. Выходит так, что все наши три батальона отрезаны. Несколько дней просидим на голодном пайке, поскольку от главных сил нас отсекли.

Говорят, что предпринимаются попытки выбить немцев из Приселья. Помимо того, у нас есть выход к группе Болдина. Однако в целом наше положение не воодушевляет. Немцы пролетают прямо над нашими головами на высоте 100 метров. Сегодня они нас не бомбили. Вокруг нас немцы.

О нынешней тактике:

Постоянный фронт отсутствует. Борьба идёт за населённые пункты, дороги и железную дорогу. В лесном пространстве между населёнными пунктами с врагом можно разделаться на любом направлении. Однако придётся противостоять глубоким сугробам. На лыжах оно куда проще.

О поддержании здоровья:

Ранее постоянно говорилось не пить сырую воду, не есть снег, не лежать на земле или не спать в одежде и мыться. Теперь я пью сырую воду, ем снег, когда нет питьевой воды. Я помногу сижу и лежу на голой земле, всегда сплю одетым, зачастую при полном обмундировании, и не моюсь по 6–7 дней. Совсем никакого вреда. Ухудшения здоровья я пока не заметил. Самое ценное — это мой зимний камуфляж, который меня маскирует и защищает мою шинель.

31 января 1942 года

Сегодня заканчивается январь. У нас остался лишь один зимний месяц (февраль), потом начнёт теплеть.

Сегодня наша разведка пошла к деревне Белягино. Выяснилось, что немцев там нет, они заходят туда только чтобы сеном запастись.

У нас сегодня спокойный день. Пополудни на речке показалась немецкая разведка, мы их обстреляли. Они после этого отступили. Сегодня выдали нашим бойцам по 200 грамм сухарей и нашли картошку. Из-за сложившейся ситуации, должно быть придётся забить на мясо наших лошадей. Я надеюсь, что это нам мало-мальски поможет. Помимо того, солдаты получают картошку и мясо, приготовят вместе.

1 февраля 1942 года

В 3:00 мы заняли наши позиции. В 5:00 батальон позавтракал и вышел на позицию в лесу у Приселья, держать нашу линию обороны. Так что мы сменили 1-й батальон и 7-ю роту.

Сегодня узнал, что Иканов (командир бывшего полка) и Зассе, командир полка, были ранены. О судьбе обоих ничего не известно, видимо, пропали. Дела наши действительно щекотливы. Мы окружены и отрезаны от снабжения. Сегодня выдали нашим солдатам по 100 грамм сухарей. На этом нашим запасам хлеба пришёл конец. Соли у нас нет, нет и фуража для лошадей. Они сегодня получили последнюю солому. У нас есть лошадиное мясо и немного картофеля. Стараюсь растянуть. Чтобы хватило на утро, мы забиваем наших лошадей.

Идут разговоры, что мы должны прорываться и соединяться с основными силами. Это ещё пока не подтверждено. Я всё-таки надеюсь, что нас заставят это сделать. Если уж надо прорываться, то вопрос только как добраться до группы Болдина. К нашей дивизии мы не пробьёмся.

470-й стрелковый полк был выбит немцами из Куновки и Николаевки, которые мы брали и так упорно обороняли. Среди красноармейцев не слышно ни малейшей жалобы на наше тяжёлое положение. Все понимают важность момента. Солдаты разве что

стараятся при первой возможности добыть мясо и картофель. Командование не вмешивается.

Мы стоим напротив шоссе. Слышно как по дороге из Юхнова постоянно выезжает снабжение, пехота, артиллерия и автомобили. По-видимому, немцы эвакуируются из Юхнова. Засс больше не командир нашего полка. Я этому рад. Вечно он был пьяный. Под парами принимал тупые решения. Из-за него мы потеряли много людей.

Командование полком принял капитан Романов. Должно быть, в полку многих повысят и переставят. Может и меня коснётся.

Вечером радостные новости. Рядом с нашей деревней приземлились четыре самолёта и доставили боеприпасы. Мы их попросили привезти нам еду и забрать раненых.

Теперь с передним краем налажен воздушный коридор. В 24:00 прибыли 1-й и 3-й батальоны. Нам поставили задачу взять Приселье и удержать его. 1-й батальон наступает справа, 3-й батальон наступает слева, и 2-й батальон идёт посередине.

2 февраля 1942 года

Поставленной цели мы не достигли. 1-й батальон потерял двух человек убитыми и четырёх ранеными, которых не смогли забрать с поля боя.

Немцы научились применять оборонительную тактику. Если они не хотят сдавать деревню, то нам её и не отдадут. Находят пути как её успешно оборонять и защитить. Сегодня была перестрелка на нашем участке. Наше автоматическое оружие сосредоточило огонь и ранило пять человек. За сегодня в полку 30 раненых и десять убитых. Для нас это очень ощутимые потери. Вечером противник оттеснил батальон, обстреливавший дорогу. С закатом мы отошли назад в деревню.

3 февраля 1942 года

6:00. Полк вместе с особым лыжным полком имеет задачу взять Строево и Лодышкино и нанести противнику удар в тыл. Мы прибыли в лес в полукилометре от Строево.

Сегодня я первый раз в жизни встал на лыжи. Должен признаться, очень рад своему успеху. Пробежал два километра, конечно, отстал, сам очень утомился. Без лыж мне бы это стоило куда больших хлопот, снег тут очень глубокий.

На шоссе никакого движения. На 19 часов намечена атака. Наш батальон прикрывает полк лыжников справа. Сейчас 16:20. Через полтора часа мы заступим на исходные позиции. Вчера прибыл борт с немецким разведчиком.

С едой дела всё так же плохи. Некоторые из-за голода уже заболели, многие другие серьёзно истощены. Всех раненых таскаем с собой.

В 21:00 особый лыжный полк атаковал Строево. 2-й батальон по моему приказу прикрыл правый фланг. То же сделал 3-й батальон слева. От командиров 1-го батальона вообще никаких действий не последовало. Нас предоставили самим себе, так что мне, против моей воли, пришлось брать руководство целым батальоном. Задачей моей было продвинуться вперёд на 200 метров к дороге. Благодаря случаю, я остался на дистанции в 400 метров, и то было моё счастье. Полк лыжников наткнулся на особо упорное сопротивление, очень много потерял убитыми и ранеными.

К 4:00 утра вышеупомянутый полк отступил. Разумеется, я им всеми силами подсобил и смог без потерь отвести свой батальон. Ночь была очень холодной. Несмотря на непрерывный огонь, я так замёрз, что бегал вперёд-назад, чтобы хоть немного согреться.

О неуспехе указанной операции:

У противника здесь была превосходящая огневая мощь. Четыре пулемёта, одна миномётная батарея и одна пушка.

Атака была фронтальная. У лыжников же имелась возможность обойти противника. У нас есть винтовки, но мало пулемётов и небольшое количество миномётов; артиллерии нет.

Нашим парням недостаёт выдержки под пулемётным огнём. Во все стороны их раскидало (одну или две роты из полка лыжников).

4 февраля 1942 года

Мы вернулись в деревню Попаево. Здесь смогли удобно разместиться. Через местных смогли обеспечить себя картошкой, сами приготовили и позавтракали. У кухни ещё было немного картофеля, но на всех бы не хватило. Красноармейцы сами обеспечивают себе пропитание, что иногда перерастает в грабёж. Сами ищут [запасы] в стогах и открывают их. В одном месте стащили два пуда чечевицы. Так-то мы обвиняем немцев в грабежах и тому подобном, тут же сами этим занимаемся. Моральное состояние наших ребят в целом очень низкое. Поначалу люди шли в наступление, на потери внимания не обращали, сегодня же разбегаются при малейшей трудности. Командирам приходится поддерживать послушание всеми мерами: руганью, побоями и т.п.

Хорошо отдохнули денёк. Взятые деревни Огариши и Хвощи. Прибыла дивизия, объединимся с ней. Её сопровождала танковая бригада, я думаю, 9-я [обрыв в оригинале]

Вечером было совещание. Командиры и политкомиссары сообщили нам ряд известных фактов. Потом мы разошлись.

С 1:00 до 5:00 я разносил почту. Основной наш рацион — конина и картофель. Но конина — не для нашего комбата. Так что он два дня голодал. Я ел без зазрения совести. Мой старшина постоянно заботится, чтобы у меня было что-нибудь поесть вдобавок. Сегодня немного поделилась хозяйка. Совсем без хлеба я пока жил только один день. В целом у меня всегда есть немного хлеба и сухарей.

Оба полка, наш 616-й и особый лыжный, объединили. Командует подполковник Ермоленко. Батальонный комиссар — Савицкий. Честно говоря, эта компания пока ничего хорошего не добилась. Уничтожили где-то 100 немцев и 10 машин. Войска захватили всего лишь несколько немцев, вот и всё.

5 февраля 1942 года

Уже второй день отдыхаем. Одновременно провели установку «ежей». Стороны друг друга не атакуют. В целом тишина. Красноармейцы получают мало еды и ещё больше слабеют. Лично я в эти дни не голодал. Ем три раза в день, спасибо заботе старшины. Недостаток хлеба возмещаю кониной.

Ходит слух, что в штабе получили пополнение в 400 человек. Нам особенно недостаёт людей и снаряжения. Я установил пункты авианаблюдения и обороны. Над нами очень часто низко пролетают пассажирские самолёты. По-видимому, перевозят раненых. Эти меры предосторожности как раз для таких случаев. За идею спасибо командиру батальона. Но я думаю, что успеха не будет.

Вот и ещё день прошёл, а связи с другими частями (нашей дивизии) всё нет. Наша ситуация продолжает ухудшаться.

Наш лучший человеческий материал — активные войска — мы потеряли в самом начале войны. Дошедшие до нас остатки активных войск мы потеряли в первые недели нашего декабрьского наступления. Оставшийся человеческий материал — низкого качества. Я не знаю, каким будет следующее пополнение. Обычно на замену нам присылают необученных людей. Обученное же пополнение сейчас находится в госпиталях и пока ещё не восстановило здоровье. В начале наступления наши люди безрассудно бросались под огонь. Сегодня такое больше не случается. Активных офицеров тоже повыбило. Совсем мало их осталось.

6 февраля 1942 года

Сегодня с утра нас ждал приятный сюрприз. Ночью наш самолёт привёз нам суп, сахар, сухари и сосиски. Я просто превосходно позавтракал. Ночью была тревога. Часовые открыли огонь и донесли, что в нашей деревне была замечена разведка, два всадника и шесть лыжников. Когда утром пошли проверять, то выяснили, что упомянутая «разведка» оказалась блуждающей лошадкой, которая спокойно убежала при первых выстрелах.

Сегодняшний день провели на оборонительных позициях. Вечером самолёт привёз нам соль, которая сейчас ценится на вес золота, поскольку несколько дней наше подразделение вынуждено было есть суп без соли.

Нескольких человек из особого лыжного полка сегодня расстреляли за воровство, самоволку и покидание боевого поста. Местные жители понимания этим мерам не выказали и жалели этих бедных ребят.

Несколько дней назад в эту деревню пришла жена бургомистра [местечка] Гаранец. Её

спрашивают: «У вас немцы есть?» — «Нет, нет, нет, ни одного!». При обстоятельной проверке, однако, она признала, что у них там где-то 70 немцев при двух пулемётах. Типичная сволочь.

Ночью горел Юхнов, видимо, немцы город оставили.

7 февраля 1942 года

Сегодня у нас была тревога. В километре перед нами немцы двинулись на Угру. Питание красноармейцев плохое. Их действительно очень жаль, особенно из-за того, что красноармейцам запрещено дополнительное питание. Только я в эти дни не голодал. Эскадронный старшина выделил для меня [еду] из своих собственных запасов и с общей и командирской кухни.

Большая часть красноармейцев [обрыв в оригинале]

8 февраля 1942 года

Сегодня утром немцы нас атаковали, поскольку мы нарушили продвижение их обоза.